

МИНУВШИЕ ДНИ¹

(Из воспоминаний актрисы)

*Посвящаю сыну моему
Виссариону Писареву²*

Так жизнь моя и юность проходили.
Байрон.

В другой раз подробно тебе расскажу
И дальше свои приключения.
Гейне.

1 Из книги: П.А. Стрепетова. Воспоминания и письма. Подготовил к печати М.Д. Прыгунов. Примечания М.Д. Прыгунова. АCADEMIA, Москва – Ленинград. 1934.

2 Писарев, Виссарион Модестович – сын П.А. Стрепетовой и М.И. Писарева, дипломат; до революции (до 1917 г. – Ред.) служил драгоманом при русском посольстве в Константинополе.

Антип Григорьевич. – Выкса и её обитатели. – Семейство Кочетовых. – Отъезд управляющего. – Жизнь в уездном городе. – Смерть отца. – Переселение в Муром. – Нижний-Новгород. и новые невзгоды. – Замужество. – Первые годы семейной жизни. – Приемный сын. – Отъезд Елизаветы Ивановны в Симбирск. – Подкидыш.

...Елизавета Ивановна получила приглашение из Симбирска², где нуждались в актрисе «с голосом» и предлагали сравнительно довольно выгодные условия. Недолго думая, она взяла с собой приемного сына Ваню и отправилась одна в Симбирск. Антип Григорьевич, состоявший в то время на службе в качестве парикмахера при нижегородском театре, не мог сопровождать жену в её путешествии. Он остался в Нижнем со свояченицей и старухой-няней Евфросиньей Ивановной – очень оригинальным существом, о котором мне придётся много говорить впоследствии. Весь Нижний знал её под именем «стрепетовской няни».

Квартира Антипа Григорьевича в то время находилась на Покровской улице, в доме кондитера Кемарского. Это было небольшое коричневое одноэтажное зданьице, с маленькими окнами и маленьким, в одну ступеньку, крылечком, выходящим на улицу как раз подле калитки, ведущей во двор.

Нижний в прошлом не мог похвалиться особенной любовью к чистоте – неряшество было отличительной чертой этого города, но, вместе с тем, никогда это неряшество не представляло такого абсолютного в своем роде совершенства, как в описываемое время. По грязной, изрытой ухабами мостовой, куда выбрасывались сор и помои, куда стекали всевозможные нечистоты с еще более грязных дворов, спокойно разгуливали коровы, лошади, свиньи; собаки целыми стаями бегали взад и вперед, находя себе обильную пищу на тротуарах. Тут же в живописном беспорядке валялись трупы и скелеты различных животных, умерших частью естественной, частью насильственной смертью. Летом страшная пыль, осенью и весной невылазная грязь, зимою непроходимые снежные сугробы, и во все времена года ужасный, пропитанный миазмами, смрадный, отвратительный воздух. Таков был Нижний в 1850 году почти весь, за исключением главной улицы, на которой замечалось немного больше порядка.

Особенно ужасны были в Нижнем осенние ночи. Тьма невозможная! Хотя по улицам и красовались толстые столбы с огромными неуклюжими фонарями, но фонари эти своими тусклыми, прокопченными стеклами ещё более увеличивали мрак тёмных октябрьских ночей, распространяя вокруг себя только чад и копоть.

И вот в один из таких вечеров, когда все магазины уже кончили свою деятельность, когда жители благословенного града, ужиная, предвкушали вождеденный покой безмятежного сна на мягких пуховых перинах, мальчик, подмастерье Антипа Григорьевича, выводя запирать парадные двери парикмахерской, наткнулся на лежащий возле самых дверей небольшой кулёчек и, вероятно, не находя его особенно интересным для себя, самым бесцеремонным образом швырнул ногою. Кулёчек пискнул, и затем ясно послышался тихий детский плач. Подмастерье

1 Здесь публикуется фрагмент первой главы воспоминаний великой русской актрисы. (Ред.).

2 Симбирский театр 60-х гг. М.В. Карнеев, со слов артиста М.И. Писарева, описывает так: «Это огромный деревянный, вероятно, лет 20 тому назад выкрашенный какой-то тёмно-малиновой краской сарай. Покосившиеся двери (числом три) с закопчёнными, грязными, местами разбитыми стеклами забыты наглухо (за исключением средней) большими ржавыми костылями. Правая половинка средней двери тоже прибита к полу гвоздем, а левая отворена внутрь и прикреплена к стене обрывком толстой веревки... (Внутри) затхлый, пропитанный каким-то специфическим запахом воздух, грязь, пыль, прорванные декорации, отсутствие необходимых аксессуарных вещей на сцене, словом, всё, от начала до конца, указывало на крайнюю нетребовательность публики, довольно спокойно игнорировавшей всю эту, по-видимому, привычную для неё небрежность» (М.В. Карнеев, «М.И. Писарев», Спб. 1894, стр. 27).

так и ринулся назад. Ошалелый, в ужас вбежал он в комнату Евфросиньи Ивановны.

– Няня... голубушка... у нас неблагополучно! У дверей... у парадных... Батюшки, страсти!.. кулёк, не кулёк... кто его знает... Господи!

– Да что, говори, полоумный!... Чего ещё там неблагополучно? Какой-то такой кулек? – допытывала встревоженная в свою очередь няня.

– Не знаю... Посмотрите... Господи!.. Да где Антип Григорьевич?.. Пойдемте... страсть... нянюшка... хозяин... – лепетал, еле переводя дух, белый как мука, перепуганный подмастерье.

Весь дом поднялся на ноги. Взяли свечи, пошли к дверям. Действительно, небольшой кулёчек лежал на краю самой ступени крыльца. Его подняли, внесли в комнату, развернули. Там оказался крошечный ребенок – девочка, по-видимому, недавно рождённая, завернутая в тряпки, и при ней два куска сахара, неизвестно кем и для чего положенные. Ни письма, ни записки. В первый момент все вдруг, как водится, совершенно растерялись, потом заахали, забегали, засуетились, начались догадки, вопросы, соображения, советы... Прибежали какие-то соседки, рассматривали ребенка, охали, качали головами, шептались, спрашивали о мельчайших подробностях происшествия, словно дело касалось их особ, словно от этого зависело их личное благополучие. Шум, гам, толкотня. Антип Григорьевич дал знать квартальному и написал обо всем жене в Симбирск, спрашивая её совета, как поступить в данном случае. Ему было жаль отдавать ребенка в полицию, Елизавета Ивановна, конечно, не задержала ответом. Она была вполне согласна с мужем и просила его оставить девочку в их семье.

Обрадованный Антип Григорьевич немедленно назначил день крестин, пригласив крестным отцом своего родственника по жене, актёра Афанасьева¹, крестной же матерью пожелала быть няня Евфросинья Ивановна.

Афанасьев задержался на репетиции и не попал к началу торжества, вследствие чего наполовину обряд за него отправил сам Стрепетов. Священник назвал девочку Пелагеей, так как это имя приходилось ближайшим на неделе.

Кулек с ребенком был подброшен 4 октября 1850 года. Вот почему этот день я считаю днём своего рождения.

III

Театр и впечатления первого спектакля. – Драма «Морской волк». – Нижегородская труппа. – Актриса Г-ва. – Приезд Афанасьевых. – Айра Ольдриддж. – Дружба с Настей Немировой. – ЖЛП. Никулина-Косицкая. – Наши жильцы и старушка Вышеславцева. – Мои отношения к отцу и матери. – Переписка со Смирновым. – Отъезд.

Ещё в раннем детстве я часто слыхала слова: «театр» «спектакль», «актриса», но что такое театр и какое его назначение, я решительно не понимала, уверяя, однако, всех и каждого, что когда вырасту, то буду непременно актрисой. В первый раз я видела театр, будучи четырехлетним ребенком. В то время в Нижнем гостил знаменитый московский комик В.И. Живокини.² Спектакль шёл с его участием. Моя мать играла

1 Афанасьев, Андрей Андреевич – резонёр-комик, выступал в провинциальных театрах: в Симбирске (1854), Казани (1878) и др. «Репертуар и Пантеон» за 1845 г. так характеризует его: «Г-н Афанасьев замечателен только потому, что имеет претензию на роли вельмож и вообще на главные драматические роли; но в самом деле не имеет ни наружности, ни роста, ни голоса, а главное игры. При всём том ещё он никогда не знает ролей. От этого актёра ничего нельзя ожидать хорошего».

2 Живокини, Василий Игнатьевич (1808—1874) – комик-буфф, артист московского Малого театра, часто гастролировавший в Нижнем и несколько летних сезонов антрепренерствовавший на Нижегородской ярмарке. См. о нём: П.Д. Боборыкин, «В.И. Живокини», сб. «Складчина», Спб. 1874.

вместе с ним в водевиле «Улица луны».¹

Конечно, меня прежде всего поразила зрительная зала, где горело такое множество огней, толпился народ, играла музыка. Наплыв новых впечатлений своим разнообразием привёл меня в совершенное смущение. Я глядела с любопытством вокруг, безотчетно всему радуясь и ровно ничего не понимая. Вдруг взгляд мой нечаянно упал на авансцену как раз в тот момент, когда моя мать, одетая в белое с голубым баржевое платье, стояла в обществе двух мужчин и все трое что-то пели. Тут я не выдержала и, обрадовавшись ещё сильнее, громко крикнула звонким детским голосом: «Ах, посмотрите, посмотрите, там моя мама!» – доказав таким поступком явное неумение держать себя в порядочном обществе и надолго лишась возможности посещать театральные представления.

Второй раз попала я в театр три года спустя, при совсем случайном обстоятельстве, да кроме того попала не в зрительную залу, а прямо на сцену, в качестве исполнительницы. Назначена была к представлению двухактная драма «Морской волк»,² в которой две детские роли мальчиков, по предварительному соглашению с отцом, антрепренер Смольков³ назначил мне и Ване. Одиннадцатилетний Ваня получил более ответственную роль, а я – маленькую, в несколько слов.

На репетиции нас торжественно подвели к Трусовой-Васильевой, занимавшей тогда почётное место главной примадонны.⁴

– Девочка слишком велика и толста, я не удержу её на коленях, я ведь не Геркулес, – обратилась она к Смолькову, небрежно взглянув на меня.

Смольков заикнулся, произнес начало какого-то слова, заикнулся ещё сильнее, подпрыгнул, зажмурил глаза и замычал, силясь заставить упрямый язык повиноваться во что бы ни стало, но непокорный безмолвствовал, и борьба грезила сделаться бесконечной. Трусова не выдержала.

– Ну, да хорошо, хорошо, – проговорила она, поднявшись со стула и направляясь в глубину сцены, – если нельзя, обойдемся как-нибудь и так. Оставьте!

Смольков долго ещё стоял в прежней позе, издавая необыкновенно странные звуки. Потом быстро повернулся в ту сторону, куда скрылась примадонна.

1 «Улица луны, или возвращение из Африки» – водевиль в одном действии, перевод с французского. Первый раз был представлен в Александринском театре в 1843 г., в московском Малом – в 1846 г.

2 «Морской волк» – драма в двух действиях, перевод К. Тарновского. Впервые сыграна в Александринском театре в 1850 г., в московском Малом – в том же году.

3 Смольков Федор Константинович (род. 1817) – чиновник особых поручений при нижегородском губернаторе, а затем товарищ директора Нижегородской ярмарочной конторы. С 1848 по 1877 г. стоял во главе нижегородского театра, сначала как член дирекции по управлению театром, а с 1857 г. – как антрепренёр. О Смолькове см.: «Автобиография» в «Трудах Нижегородской архивной комиссии», т. VI; А.П. Ленский, «Пережитое», «Русская мысль», 1909, кн. 3–5; П.М. Медведев, «Воспоминания», «Academia», Л. 1929, стр. 180–183; А. А. Нильский, «Закулисная хроника», Спб. 1900, изд. 2-е, стр. 280–293.

4 О Трусовой-Васильевой Т.Г. Шевченко, проживавший зиму 1858 г. в Нижнем Новгороде, в «Нижегородских губернских ведомостях» (Часть неофициальная, 1858, 1 февраля, стр. 17 – 18) поместил рецензию на бенефис (21 января 1858 г.) Е.Б. Пиуновой-Шмитгоф, в которой характеризовал игру Васильевой: «Г-жа Васильева передала очень верно тщеславную и своевольную Аиду, дочь банкира (в мелодраме «Парижские нищие»). Мимика её замечательна, роль же сама по себе не может дать полного понятия об её игре. Лучше всего она в «Бедной невесте». Но странное впечатление оставляет г-жа Васильева: видна какая-то законченность в её игре, как будто она выказала все свои средства и дальше ожидать нечего; впечатление, не говорящее в пользу будущего развития; признать же совершенно установившимся талантом г-жу Васильеву нельзя. Очень желательно бы было, если бы г-жа Васильева вдумалась в причину такого явления, и нам кажется, что выяснение этого себе может принести ей большую пользу». В дневнике под 13 октября 1857 г. Шевченко записывает: «...после обеда отправился в театр. Спектакль был хоть куда: Васильева и в особенности Пиунова были естественны и грациозны». Под 12 ноября того же года пишет: «...отправился в театр. Всё было порядочно, кроме г. Васильевой. Она, бедняжка, думала очаровать зрителей своим фанданго и совсем не надела панталон». О Васильевой см.: А.С. Гацисский, «Нижегородский театр», Н.-Новг. 1867, стр. 61.

– Др-д-другой нн-нет! – крикнул он во всё горло и, довольный своей победой, мгновенно исчез в кулисах.

Но примадонна не слыхала его ответа. Замечание Трусовой относительно моей толщины было сделано далеко не без умысла. Худая, тощая, как скелет, с необычайно длинным носом, она считала себя воздушным существом, эфирным созданием; не пропуская удобного случая дать это заметить и окружающим. Стало быть, я и моя толщина подвернулись очень кстати, доставив первой артистке удовольствие лишний раз напомнить г-ну Смолькову и его труппе о том, какая легкокрылая нимфа, какая грациозная пери порхает среди недостойного общества,

О самом спектакле в моей памяти остались довольно туманные воспоминания. Помню, что нас привели в уборную, завили волосы, надели шерстяные блузы, что во втором акте, по открытии занавеса, я читала какую-то молитву, что Трусова на сцене целовала меня и что всякий раз, когда губы её касались моей правой: щеки, одновременно с тем длинный, острый нос, в свою очередь, вероятно, для того, чтобы не оставаться праздным, немилосердно клевал мою левую щеку и... только; больше ничего не помню. Но этот спектакль был особенно знаменателен для меня в другом отношении: после него я получила право снова бывать в театре.

Сборы в театр обыкновенно начинались ещё с утра. Я весь день ходила как шальная, потерявши всякое сознание по отношению к внешнему миру; мысли мои всецело принадлежали предстоящему вечеру. Часам: к шести моя ажитация понемногу переходила и к старшим. Например, тётка Надежда Ивановна, разливая чай, бросала свирепые взгляды на того, кто долго не допивал своей чашки, ворчала, суетилась, негодовала и, наконец, объявив раньше времени церемонию вечернего чая уже оконченной, уходила поспешно в свою комнату, где торопилась как можно скорее переодеться, чтобы не опоздать к началу представления.

К семи часам сборы кончались. Эпилогом их всегда служило появление одного из многочисленных экземпляров крестниц моего отца – двадцатилетней девицы с длинной губой, истой любительницы общественных увеселений. Целая вавилонская башня из волос на голове, широчайший, непостижимых размеров кринолин, розовый бант на груди и улыбка на устах не оставляли ни малейшего сомнения, что девица вполне счастлива. При входе в театр я командировалась в кассу справиться о номере свободной ложи. Наступала истинно трагическая минута. Стоило только кассиру сказать: «ложи все проданы – свободных нет», и всё кончено: вместо предвкушаемого наслаждения отправляйся обратно домой с разбитыми надеждами и неосуществленными мечтами; но, к чести кассира, надо сказать правду, он редко огорчал меня отказом: почти всегда оказывалось две-три незанятых ложи, и одна из них отводилась нам. Первые места, у барьера, занимали тетка и крестница с розовым бантом, у которой, лишь она переступала порог ложи, счастливая улыбка исчезала неизвестно куда, голова меланхолически склонялась к левому плечу, нижняя губа отвисала во всю свою длину, отчего лицо принимало болезненное, донельзя кислое выражение, какое встречается у людей, страдающих хронической изжогой.

В таком виде она оставалась уже до конца вечера. Мать скромно помещалась на втором плане, а я сзади выглядывала из-за чьей-нибудь спины, зорко следя за игрой артистов, любуясь и наслаждаясь «во всю душу» безукоризненностью и совершенством, как припоминаю теперь, довольно скверного исполнения.

Иногда меня отпускали в театр одну, в сопровождении Вани, состоявшего в должности помощника главного парикмахера, т. е. отца; тогда я смотрела спектакль за кулисами.

Во времена, о которых идёт речь, труппа нижегородского театра не отличалась обилием талантливых артистов. Примадонной, как уже

сказано, считалась А. В.Трусова-Васильева, актриса очень хорошая для комедии, но окончательно невозможная в драме. Холодное, неподвижное лицо, неспособное к передаче сильных душевных движений, неприятный тембр голоса, вычурность манер, натянутость вместо простоты, аффектация вместо правды, отсутствие искренности, задушевности и энергии – всё это делало её невыносимой в ролях несчастных жертв, этом фундаменте её громадного репертуара. Амплуа *ingenue*¹ в комедиях и водевилях принадлежало симпатичной, хорошенькой брюнетке М. Немировой,² молодой актрисе с недюжинным дарованием, неподдельной веселостью и приятным, хотя небольшим, голосом. Первые роли комических старух составляли безраздельную собственность любимицы нижегородской публики – Сахаровой,³ сугубой бездарности, с претензиями на талант, живому воплощению грубого, площадного фарса в соединении с наглостью, тупостью и цинизмом, переходящим всякую меру. В мужском персонале премьерствовал В.М. Трусов,⁴ актёр не без дарования, но, что называется, чисто *местный* актёр. Вне Нижнего Новгорода он успеха иметь не мог, чему прямым доказательством служат две неудачные попытки стяжать лавры за пределами родины: фиаско в Симбирске и ещё где-то, кажется, во Владимире, после чего почтенный артист решил посвятить свою деятельность исключительно нижегородской сцене, которой он и остался верен до конца дней. Игра Трусова главным образом страдала излишеством рутинных приемов. Он не ходил, а выступал, не говорил, а стрелял словами. Одно, другое удачно проведенное место, и потом снова усиленная канонада в зрителей. Живым лицом Трусов никогда не был на сцене – всегда манекеном. Играл ли он любовника, героя или благородного отца, он оставался неизменным Владимиром Максимовичем, премьером нижегородской труппы, твердо выучившим роль и часто не щадившим ни её смысла, ни собственных сил ради дешёвого аплодисмента. Лишённый образования, он был, к несчастью, лишён и того необходимого артисту *чувства меры*, без которого немислим истинный художник и которое,

1 «Инженю» (франц. *ingénue* – наивная) – актёрское амплуа в русском дореволюционном театре. Роли простодушных, наивных, обаятельных молодых девушек, глубоко чувствующих («инженю-драматик», «инженю-лирик»), лукаво озорных, шаловливо-кокетливых, обладающих своеобразным юмором («инженю-комик»). К «инженю» близки амплуа «молодых героинь», субреток. (Ред.).

2 *Немирова*, Мария Антоновна – провинциальная актриса на драматические роли. Играла по несколько сезонов в Воронеже (1883 – 1884), в Нижнем-Новгороде (1880, 1881, 1883) и других городах; в Москве – в Народном театре.

3 *Сахарова*, Серафима Александровна (1814 – 1894) – драматическая артистка на роли комических старух. Дочь крепостного музыканта помещика Н.Г. Шаховского, начала свою сценическую деятельность в нижегородском театре в ролях водевильных субреток. Служила во многих приволжских городах; сошла со сцены в 1889 г., сыграв в последний раз роль Пелагеи Егоровны в «Бедности не порок» А.Н. Островского в московском театре «Парадиз» (ныне Театр Революции). Была замужем за провинциальным актёром Сахаровым; в старости ослепла.

4 *Трусов*, Владимир Максимович (1816—1879) – провинциальный актёр на роли резонёров и драматических отцов; из крепостных. Почти всю жизнь служил на нижегородской сцене. Карьеру начал с амплуа любовников; к концу деятельности – режиссёр. Н.д.ж.д.н. в «Репертуаре и Пантеоне» (см. выше) о Трусове пишет: «Г-н Трусов занимает роли молодых людей в водевилях и драмах. Одарён хорошей наружностью и верным (?) голосом. Он очень недурён в водевилях, но для драматических ролей у него мало энергии. Полезнее бы его было оставить для водевилей, в которых он имеет гораздо более успеха». А.С. Гациский в 1867 г. так характеризует Трусова: «Г. Трусов, ветеран нашей (нижегородской) сцены, занимал тогда (в 1849 г.) ещё амплуа *jeune premier*'а и вообще был всегда одним из полезнейших и неумолимейших актёров, как тогда говорили – *utilité*: он появлялся на сцене каждый спектакль, занимал, кроме своего настоящего амплуа, всевозможнейшие роли и всегда удовлетворял рукоплещавшую ему публику в драмах и водевилях, в последних особенно в ролях бесшабашных повес, добродушных небокоптителей и менторов (А.С. Гациский, «Нижегородский театр», Н. Новг. 1867, стр. 30 и 79). А.П. Ленский в «Пережитом» («Русская мысль», 1909, кн. 3 – 5), вспоминая свой нижегородский сезон, даёт подробную характеристику Владимира Максимовича (см. Ленский, «Пережитое» в настоящем журнале. – Ред.) А.П. Ленский и К.А. Варламов, в начале своей карьеры игравшие в Нижнем, многим обязаны Трусову как режиссёру и руководителю молодёжи.

в большинстве случаев, будучи природным качеством человеческой души, скрадывает иногда те промахи, те пробелы в гармоническом и цельном художественном изображении, которые являются неизбежным следствием недомыслия или незнания. Спрашивается, чем же Трусов заслужил у нижегородцев и их любовь и звание *почтенного, талантливого* артиста? Какими заслугами? Заслуг не было – была привычка. Любили же нижегородцы Сахарову! Люди привыкают ко всему: в силу привычки, мы в хорошем перестаем увлекаться его достоинствами, в дурном – не замечаем недостатков. Привычка всеильна. Вечно новая, хотя на первый взгляд и избитая истина. Что же сказать о прочих артистах? Так как Трусов не имел определённого амплуа, играя самые разнообразные роли, лишь бы они были первые и, главное, «выигрышные», поэтому, за исключением даровитого Павла Востокова¹ и старика Прусакова,² остальной персонал труппы состоял из поголовной бездарщины. Оно было и гораздо удобнее и гораздо выгоднее для премьера, желавшего фигурировать на первом плане, что при иных обстоятельствах легко могло не случиться.

Само собой разумеется, двадцать два года назад³ я смотрела на этих артистов иными глазами: я зачастую безусловно восхищалась их дарованиями, и если теперь считаю себя в праве высказать мнение противоположное прежним убеждениям, то, может быть, единственно благодаря моему внимательному отношению к их игре и счастливой памяти, до мельчайших подробностей сохранившей виденное мною в те давно минувшие дни.

В Нижний приезжал играть по временам московский трагический актёр Корнелий Николаевич Полтавцев,⁴ но я, к сожалению, ни разу не видела его на сцене. Он был очень расположен к нашему семейству, любил отца, даже покумился с ним, окрестив его последнего сына Егорушку, который умер, проживши только полтора года. Полтавцев часто бывал у нас. Я как теперь помню его высокую, плотную фигуру, несколько развалистую походку, слышу его мягкий, немного певучий, точно бархатный, баритон. Помню, как он однажды посадил меня к себе на колени и стал о чём-то расспрашивать, но я вырвалась и убежала от него. Я вообще была дика, сурова и необщительна, за что получила прозвище «Гл. з.....щины».

Злые языки утверждали, что актриса Г.....а⁵ была будто бы виновицей моего появления на свет, что она в 1850 году проживала беременная в Нижнем и вскоре после 4 октября, т. е. того дня, когда

1 *Востоков* (настоящая фамилия Караколпаков), Павел Владимирович (ум. в Одессе в 1872) – провинциальный артист, комик, служил с 1853 по 1862 г. в московском Малом театре, известен своими переводами с французского мелодрам и водевилей. Особенной популярностью пользовался его перевод драмы А. Буржуа и А. Деннери – «Детский доктор». А.С. Гацисский (указ. соч., стр. 65) даёт такую характеристику Востокова: «Г. Востоков был хорошим комическим актёром. Особенно памятен он мне в роли частного пристава в «Новейшем оракуле», исполненной им так артистически, с таким знанием действительности, что театр очень основательно заливался от хохота и гремел рукоплесканиями». См. о нём также: А.А. Нильский, «Закулисная хроника»; изд. 2-е, СПб. 1900, стр. 292—293.

2 *Прусаков* – провинциальный актёр. А.С. Гацисский (указ. соч., стр. 64) о Прусакове пишет: «...если не очень впадали в тривиальный фарс, были сносны гг. Прусаков и Мухин».

3 Это писалось в 1880 г.—*М. П (исарев)*.

4 *Полтавцев*, Корнелий Николаевич (1823 – 1865) – артист московского Малого театра, принявший на себя после смерти П.С. Мочалова (в 1848 г.) весь его репертуар. В игре отличался излишним пафосом и ходульностью. Лучшие роли – Нино («Уголино»), Эдгар («Король Лир») и др. См. о нём: «Ежегодник имп. театров», сезон 1900/01 г., кн. 1, стр. 105—111; В. Радиславский, «Материалы для биографии К.Н. Полтавцева», «Антракт», 1866, № 22, стр. 1 – 4; А.П. Ленский, «Пережитое».

5 Г.....а. – В первоначальной рукописи воспоминаний П.А. Стрепетовой, ныне хранящейся в Рукописном отделе Государственного театрального музея имени А. Бахрушина (инв. № 12 499/2), на стр. 45 (оборот), в фразе: «...за что получила прозвище гла-у-о-щины» – вставлены в слово «гла-у-о-щины» недостающие согласные – З, Н, В, дающие возможность чётко прочесть – «глазуновщины», отсюда расшифровывается Г.....а – Глазунова. В нижегородском театре в сезон 1848/49 г. служила водевильная актриса Глазунова, имевшая прекрасную внешность (см. Храмовский, «Описание города Нижнего Новгорода»).

я была подкинута к Стрепетовым, уехала в другой город. Основание, положим, более чем шаткое, но не для жадной до сплетен провинции: там каждая вскользь брошенная фраза немедленно подхватывается губернскими кумушками, уносится домой, подвергается строжайшему и точнейшему анализу, добавляется новыми сведениями, добытыми бог знает откуда какой-нибудь соседкой, исправляющей должность судебного следователя при главной сплетнице, и через день, к общему удовольствию, ничтожное предположение получает диплом несомненного факта, доказанного чуть не очевидцами. Так, может быть, случилось и тут...

Правда, мне говорили впоследствии, что Г.....а, приезжая в Нижний и посещая мою мать, всегда очень любезно осведомялась о здоровье Вани и Гриши, упорно избегая вопросов относительно меня, а когда меня случайно вносили или вводили в ту комнату, где она сидела, она старалась делать вид, что не замечает моего присутствия. Потом, гораздо позже, уж ставши актрисой, я слыхала не раз от товарищей, что Г.....а не любит, когда при ней говорят о Стрепетовой. Как бы ни был интересен разговор, но как скоро упоминается фамилия Стрепетовой, Г.....а прекращает беседу и уходит. Если эти рассказы неспроста болтовня, неволью покажется странной такая беспричинная вражда ко мне человека, не имеющего со мною ничего общего. Если бы мы состояли на одном ампула, возможно бы было предположить зависть; наоборот, наши ампула диаметрально противоположны. Мы даже никогда нигде не служили вместе; я совсем не знаю г-жу Г.....у, ни разу не видела её и оттого не могу питать к ней ни неприязни, ни дружбы. Она для меня – личность посторонняя, во всяком случае. Ну, а тайна моего рождения давно перестала интересоваться меня. В Нижнем Г.....у высоко ценили как актрису, но не любили как женщину, считая её своенравной, капризной и несообщительной – вот почему в минуты раздражения к моему имени нередко присоединяли эпитет «г...щины» в виде упрека унаследованным родовым особенностям моего характера.

Страсть моя к театру с каждым днём росла всё с большею и большею силою, чему не мало способствовали и внешние обстоятельства. После долгих скитаний по разным городам воротилась наконец в Нижний тётка Наталья Ивановна Афанасьева с дочерью Лизой. Служа лето и зиму, измученная работой, она приехала погостить к нам недельки на три и отдохнуть. Я увидела костюмы, приведенные Лизой... Боже! Сколько великолепия и роскоши! Короткие танцевальные юбочки, вышитые блёстками, красивые шапочки, унизанные стеклярусом, атласные башмачки разных цветов, нитки театрального жемчуга, поддельные аметисты, изумруды, рубины, кораллы, венки из искусственных цветов, ленты и кружева... Все эти драгоценности, понятно, самого грошового достоинства, буквально ослепили меня своим блеском, а рассказы Лизы о её успехах на сцене (она играла в пьесах детские роли и танцевала в антрактах) поселили во мне горячее желание немедленно сделаться актрисой. Я попросила Лизу выучить меня танцевать. Та согласилась, и через две недели я уже изучила в совершенстве все пять позиций, несколько батманов, качучу, венгерку и фолишон, после чего перешла к драматическому классу. За неимением профессора приходилось заниматься без посторонней помощи. Занятия происходили в той комнате, где помещалось небольшое зеркало. Каждый раз как комната оставалась пустой, я становилась перед зеркалом и меняла одну за другой до десятка различных поз – это был урок пластики; потом начиналось чтение монологов собственного сочинения – это был урок дикции; последний отдел – уроки мимики – заключался всякий раз в повторении излюбленного приёма – представления сумасшедшей, для чего, в виде аксессуара, две небольшие косички волос немедленно расплетались, приводились в живописный беспорядок, на голове появлялся малень-

кий черный шёлковый платочек, глаза бессмысленно устремлялись в одну точку, губы шевелились без слов... Мне больше всего нравились в это время мои глаза. Я долго засматривалась в них в зеркало, находя их необыкновенно выразительными. Впрочем, не я одна восхищалась своими глазами: мне иногда приходилось выслушивать им похвалы от людей совсем посторонних. Случалось, что в моём присутствии кто-нибудь из знакомых замечал матери:

– Как у вас, однако, Поля-то выросла, и какие у неё прекрасные глаза, самые, знаете, этакие... артистические... Я ей предсказываю – она будет отличной актрисой.

Мать не любила, когда расточали похвалы детям в их присутствии. Она хорошо понимала всю неискренность и неуместность этих похвал. Действительно, ничто не развивает в детях в такой степени самомнения и кокетства, как пошлые восторги посторонних, рассыпаемые большей частью ради глупой привычки сказать лишний «милый» комплимент.

Хотя я никогда не была выгодного мнения о своей наружности, но тем не менее, выслушивая стереотипные любезности льстивого гостя, внутренне ощущала что-то вроде чувства приятного самодовольства: «Почём знать, – думалось мне, – быть может, я и действительно красива, ведь со стороны видней!»

Мать, бывало, точно угадывала мои мысли и вежливым, но сухим ответом собеседнику разом разрушала эти приятные иллюзии.

– Что вы, помилуйте, какая же она красавица? Напротив, она чрезвычайно неуклюжа, неповоротлива и вообще нехороша. С её ли грацией мечтать о сцене? Если даже впоследствии и окажется способность, то будет играть комические роли, а о чём-нибудь другом ей нечего и думать. Кроме того, чтобы быть истинной артисткой, нужно иметь побольше мягкости в характере, побольше сердечности, а их-то у нас и нет. Вот Александра Ивановна Стрелкова – вот это артистка! А отчего? Оттого, что при большом таланте в ней ещё больше человечности. Выражая на сцене людское страдание, надо ему сочувствовать, а иначе зритель вас и не заметит, как бы вы ни терзались.

В исходе 50-х и начале 60-х годов А.И. Стрелкова¹ была на высоте своей славы. Её огромный талант-самородок достиг тогда полной зрелости, и по всему протяжению Волги, от Твери до Астрахани, имя этой даровитой артистки гремело из конца в конец. В нашей семье она считалась идеалом актрисы и женщины, вследствие чего при каждом удобном случае мать приводила её как пример нравственной безукоризненности, а я поставила себе непрременной задачей походить на неё.

Мне было одиннадцать лет, когда в Нижний приехал Ольдридж.² Я видела гениального трагика в «Отелло», «Макбете» и «Шейлоке» и вынесла необыкновенные впечатления от его игры. Больше всего он поразил меня (да и меня ли одну?) в «Отелло». Разбирать этих впечатлений я не буду, потому что не хочу профанировать попыткой слабой передачи того, что храню в душе моей, как святыню.

1 Стрелкова, Александра Ивановна (ум. 1912) – известная провинциальная актриса на роли комических и драматических старух. В молодости с успехом выступала в драматических ролях и в водевилях с пением. В сезон 1872 г. служила в театре на Политехнической выставке, сезон 1891/92 г. – в московском Малом театре. Сохранилось изображение Стрелковой, видимо, в мелодраме «Эсмеральда», разыгрываемой с Н.К. Милославским на казанской сцене в 1854 г. Картина (акварель, гуашь) находилась в Казанском университете, ныне передана Государственному театральному музею им. А. Бахрушина.

2 Ольдридж, Айра (1805 – 1867) – трагический актёр, негр, пользовался мировой известностью. Дебютировал в Лондоне в роли Отелло, так как отношение к «чёрным» в Америке заставило его покинуть родину. В России гастролировал во всех крупных городах, играя главным образом шекспировский репертуар на английском языке. Его гастрели в Нижнем-Новгороде (1862) в ролях Отелло, Макбета, Лира вызвали восторженный приём публики и статьи А.С. Гацисского (см. А.С. Гацисский, «Нижегородский театр», Нижний-Новгород 1867, стр. 68–72, или «Нижегородские губернские ведомости», 1862, № 28). См. о нём также: В.П. Далматов, «Чёрный трагик», сб. «По ту сторону кулис», Спб. 1908, стр. 1–21; К. Званцев, «Айра Ольдридж», Спб. 1855.

Театр я стала посещать чаще прежнего. При полных сборах приходилось смотреть за кулисами, что для меня было сущим мучением: там всегда был такой шум, толкотня, беспорядок. Кроме того верхнее платье оставалось в общей уборной, где кипел настоящий ад: хохот и гам, пересуды и ругань. Чтобы не быть замеченной, я пробиралась куда-нибудь в угол и до начала спектакля скрывалась под прикрытием висевших на стене юбок, лишь бы избежать докучных расспросов и пустой болтовни хористок.

С актрисой Немировой постоянно ходила в театр её младшая сестра Настя – высокая смуглая худенькая девочка, в неизменной серой драповой тальмочке.¹ Она прислуживала сестре в уборной и потом оставалась смотреть спектакль за кулисами. Часто встречаясь, мы подружились. Настя была одним годом старше меня. Я её очень полюбила и страшно огорчалась, когда она говорила при мне с другими или не сидела в театре рядом со мною.

Раз Настя вечером, во время спектакля, отвела меня в сторону и под величайшим секретом сообщила, что она влюблена в знаменитого трагика и что я непременно должна последовать её примеру и тоже влюбиться в него.

– Если ты исполнишь мою просьбу, – прибавила она, – то я при первом удобном случае познакомлю тебя с ним.

Я ответила, что Ольдريدж божественный артист и что я теперь уж влюблена в него.

На другой день шёл русский спектакль. Ольдريدж сидел в бенуаре. Играя часто с М. Немировой, Ольдريدж знал и Настю, которую очень любил, а потому, когда мы вошли к нему в ложу, где на этот раз он находился совершенно один, Настя с развязностью старой знакомой представила ему меня как свою подругу и приятельницу. Ольдريدж, ничего не понимая по-русски, улыбнулся, взял нас за руки поглядел на одну, поглядел на другую, улыбнулся ещё раз и жестом пригласил сесть возле себя. Мы повиновались, а он всё улыбался и всё продолжал смотреть на нас своими большими добрыми глазами: Ольдريدж очень любил: детей. Мы пробыли с ним минут пятнадцать. Он угощал нас конфетами, ласкал, гладил по голове и беспрестанно повторял: «Милый, милый» – кажется единственное известное ему русское слово. Выходя из ложи, я была так восторженно настроена, что тотчас же торжественно поклялась Насте в моей пламенной вечной любви к Ольдريدжу. Однако недолго продолжалось мое блаженство. Покончивши спектакли в Нижнем, английский трагик уехал в Казань. С его отъездом сборы упали, театр точно осиротел. Боже мой, какими мизерными, какими ничтожествами показались теперь мне наши доморощенные, нижегородские знаменитости! «Да когда же я хоть раз ещё увижу настоящих хороших актёра или актрису?» – думалось мне под звуки неистовых завываний супругов Трусовых: или при виде балаганных фарсов г-жи Сахаровой.

Прошел год. Судьба ждалась над бедными нижегородцами, и в 1862 году весной к нам приехала А.П. Никулина-Косицкая.² В 40-х годах

1 *Немирова-Ральф*, Анастасия Антоновна (1849—1928) – заслуженная артистка академических театров в Ленинграде. Долго служила в провинции на ампуа сильно драматических героинь.

2 *Никулина-Косицкая*, Любовь Павловна (1829 – 1868) – артистка московского Малого театра на драматические роли. Косицкая обладала большой наблюдательностью, сильным темпераментом, простотой. Её крупная известность падает на 50-е гг., с приходом А.Н. Островского в театр в качестве драматурга. В её бенефис (14 января 1853 г.) шла в первый раз его пьеса «Не в свои сани не садись». Лучшие роли – Регана («Король Лир»), Дездемона («Отелло»), Юлия («Ромео и Юлия») и др.; в пьесах Островского – Авдотья Максимовна («Не в свои сани не садись»), Анна Ивановна («Бедность не порок»), Груша («Не так живи...»), Катерина («Гроза»), Аншуткина («Свои собаки...»). См. о ней: А.С. Гацисский, «Люди нижегородского Поволжья. А.П. Косицкая», Н.-Новг. 1887; А.П. Никулина-Косицкая, «Записки», «Русская старина», 1878, кн. 1, 2 и 3. О гастрольях Никулиной-Косицкой в 1862 г. А.С. Гацисский пишет: «Последний раз г-жа Никулина-Косицкая была в Нижнем

она начала в Нижнем свою артистическую карьеру хористкой, потом случаем попала на московскую казенную сцену, где вскоре сделалась любимицей публики и заняла видное место в ряду славных артистов некогда знаменитой драматической труппы, имена которых, конечно, с гордостью запишутся на страницы летописи русского театра его будущими историками.

Приезд Косицкой опять поднял на ноги всех наших театралов; зрительная зала наполнилась публикой, а я опять забившись в угол какой-нибудь кулисы, с замиранием сердца, забыв себя и весь мир, следила за игрой дивной артистки и дрожащая, потрясенная, с красными от слез глазами, возвращалась домой, вынося чувство жажды новых высоких наслаждений, какими должен был подарить меня следующий спектакль талантливой гостьи.

Я увлекалась Косицкой до обожания. В один из спектаклей, когда она должна была играть роль Ольги в водевиле «Цыганка»,¹ я стояла в кулисе и смотрела последнее действие какой-то драмы, шедшей без участия Косицкой и, по-видимому, ужасно надоевшей публике. Актёров не принимали; пьеса шла вяло. Косицкая, в белом кашемировом капоте, совсем готовая к роли, вышла из уборной и, подойдя к тому месту, где я стояла, чуть-чуть приотворила дверь павильона, минут пять внимательно глядя на сцену. Она находилась в двух шагах от меня, и я могла подробно рассмотреть свою любимицу. Это была довольно полная женщина лет тридцати пяти, среднего роста, с гладко причесанными каштановыми волосами, с красивыми, хотя немного крупными чертами круглого, прямого русского лица и тихим, спокойным взглядом очаровательных голубовато-серых глаз, которым большие тёмные ресницы придавали особенную ясность выражения.

Косицкая не заметила ни моего присутствия, ни, тем более, моих немых восторгов, готовых ежесекундно вырваться наружу самым необыкновенным образом. Мне, например, вдруг захотелось броситься к ней на шею, крепко обнять, целовать её лицо, руки, даже платье, хотелось благодарить её и что-то много, много сказать... Не помню, как удержалась я от такого эксцентричного порыва, но помню, что очнулась только тогда, когда за кулисами поднялся страшный шум и вместо Косицкой передо мной стоял рабочий, довольно бесцеремонно приглашая очистить место, «а то, неровен час, зашибёшь как-нибудь ненароком – сейчас декорацию другую ставить будем».

Насколько помнится, талант Косицкой был более глубок, чем разнообразен. В каждую роль она умела внести всегда столько задушевности, правды, неподражаемой простоты и поэзии, что даже такие дикие, с ног до головы фальшивые характеры, как «Параша-сибирячка»² Полевого или пресловутая «Гризельда»³ в исполнении Косицкой приобретали подобия человеческих образов и если не оживали *вполне*, не являлись реальными, то уж никак не по вине артистки, сделавшей для них гораздо больше того, чего они заслуживали, а скорей по вине их литературных отцов, сумевших в такой степени обезчеловечить жалких чад своей

в 1862 г. и, несмотря на то, что на талант её положили уже свою печать года, – – приво- дила в восторг – конечно, поздний – нижегородскую публику, появившись перед ней в ро- лях Катерицы («Гроза»), Марли («Материнское благословение»), Офелии («Гамлет») и в пьесе «Простушка и воспитанная» («Нижегородские губернские ведомости», 1862, № 47).

1 «Цыганка» – водевиль в одном действии Н.И. Куликова. Написан в 1850 г.; первый раз сыгран в Александринском театре в сезон 1849/50 г. По словам А.И. Вольфа, он представ- лял «нечто вроде дивертисмента, скомпонованного из цыганских песен для александрин- ской примадонны Н.В. Самойловой». А.И. Вольф, «Хроника петербургских театров», СПб. 1877, ч. I, стр. 137.

2 «Параша-сибирячка» – был в двух действиях Н.А. Полевого. Впервые сыграна в Алек- сандринском театре в 1840 г.; главную роль с большим успехом исполняла Асенкова; в Москве впервые поставлена в 1843 г.

3 «Гризельда» – трагедия в пяти действиях в стихах Гальма, переделана для русской сце- ны П. Ободовским. В первый раз представлена на Александринском театре 21 июня 1840 г., в московском Малом театре – в 1849 г.

фантазии, что призвать их к жизни было бы, пожалуй, труднее, чем, например, совершить путешествие на луну.

Косицкая сыграла у нас: «Грозу»,¹ «Не в свои сани не садись»,² «Материнское благословение»,³ «Гризельду», «Парашу-сибирячку», «Отцовское проклятие»,⁴ «Царскую невесту»,⁵ водевили: «Цыганку» и «Простушку».⁶

Во всех этих пьесах я её видела и с благодарностью храню воспоминания об артистке, доставившей мне в моей юности столько высоких и благотворных впечатлений.

Дела отца приходили в совершенный упадок. Парикмахерская с трудом окупала своё содержание, театрального жалованья не хватало на самое необходимое. Мы перебивались, как говорится, с хлеба на квас. Чтобы чем-нибудь поправить беду, отец вздумал брать нахлебников из мелких чиновников и актёров, что едва; не привело его к окончательной нищете. Нахлебники, в большинстве случаев, прожив три-четыре месяца, а иногда и полгода, съезжали, не заплатив ни гроша. Отец никогда никого из них не преследовал и на совет подать жалобу в суд только, бывало, махнёт рукой и скажет с добродушной улыбкой:

– Э, ну его, бог с ним! Человек бедный, взять негде... Когда будут деньги, отдаст... Коли совесть есть, так наверно отдаст, ну а с бессовестным возжаться не стоит!

Впрочем, хотя редко, но попадались между нашими жильцами личности весьма почтенные. Из них мне особенно памятна бывшая актри-

1 «Гроза» – драма в пяти действиях А.Н. Островского, написана в 1859 г., напечатана в 1860 г. в «Библиотеке для чтения», кн. 1, и отдельным изданием – Спб. 1860. В первый раз шла в Александринском театре в бенефис Ю.Н. Линской 2 декабря 1869 г.; в московском Малом театре – 16 ноября 1859 г. в бенефис С.В. Васильева (роль Тихона Кабанова). А.П. Никулина-Косицкая играла Катерину. О Катерине-Косицкой см.: Н.Е. Эфрос, «Первые Катерины», сборник «Островский», изд. РГО, М. 1923, стр. 37 – 39; Н.В. Берг, «Московские воспоминания», «Русская старина», 1884, кн. VI и X.

2 «Не в свои сани не садись» – комедия в трёх действиях А.Н. Островского; напечатана в «Москвитянине» за 1853 г., кн. 5; в том же году вышла отдельным изданием; перепечатана в сборнике «Для лёгкого чтения», 1856, кн. 2. В первый раз представлена в московском Малом театре в бенефис А.П. Никулиной-Косицкой (роль Авдотьи Максимовны) 14 января 1853 г. Спектакль этот был торжеством молодого автора и бенефициантки. Впоследствии А.Н. Островский, об этом дне вспоминал; «Мои пьесы долго не появлялись на сцене. В бенефис А.П. Косицкой, 14 января 1853 г., я испытал первые авторские тревоги и первый успех. Шла моя комедия «Не в свои сани не садись», она первая из всех моих пьес удостоилась попасть на театральные подмостки» («Знакомые», Альбом М.И. Семевского, Спб. 1888, стр. 165). В Александринском театре пьеса впервые шла 19 февраля 1853 г. О первой московской постановке и о Косицкой в роли Дуни см.: И.Ф. Горбунов, «Отрывки из воспоминаний», Соч., т. II, изд. А.Ф. Маркса, Спб. 1904; С.В. Максимов, «Александр Николаевич Островский», «Русская мысль», 1897, т. I, III, V; «Первая исполнительница роли Авдотьи Максимовны в комедии Островского «Не в свои сани не садись», «Ежегодник императорских театров», 1902—1903, кн. 3, стр. 20 – 23.

3 «Материнское благословение», или «Бедность и честь» – драма в пяти действиях, перевод Н. Перепельского (псевдоним Н.А. Некрасова). Впервые была поставлена в Александринском театре в 1843 г. По поводу этой пьесы А.И. Вольф сообщает: «Перепельский оригинального ничего не произвёл и ограничился переводом маленького водевиля и знаменитой «La nouvelle Fanchon» («Материнское благословение»), приделав к драме остроумные куплеты. Теперь бы показалось диким заставить героев драмы петь в самых патетических местах, но тогда оно сходило с рук». А.И. Вольф, «Хроника петербургских театров», Спб. 1877, стр. 101.

4 «Отцовское проклятие» («La lectrice») – мелодрама в двух действиях, перевод Визакура. Впервые поставлена в Александринском театре в 1835 г., в московском Малом, в переводе К. В – го, – в 1846 г.

5 «Царская невеста» – историческая драма в четырех действиях с прологом Л.А. Мея. Напечатана в «Москвитянине», 1849, ч. V, № 18, сентябрь, кн. 2, стр. 81 – 172; отдельное издание – М. 1849; 2-е исправленное издание – Спб. 1861; перепечатана в «Драматическом сборнике» 1861, кн. IV, стр. 1 – 103. Представлена впервые в Александринском театре в сезон 1849/50 г., в московском Малом театре – в 1849 г.

6 «Простушка и воспитанная» – водевиль в двух действиях Д.Т. Ленского, переделан с французского. Впервые поставлен в Александринском театре в сезон 1855/56 г.; в московском Малом театре – в 1855 г.

са Вышеславцева.¹ Она занимала у нас одну комнату, жила рукодельем и всегда аккуратно платила за стол и квартиру выреченными от работы деньгами. Эта маленькая, худенькая, точно в корсет зашнурованная старушка, с мелкими и тонкими чертами лица, всегда опрятно одетая, всегда в безукоризненной белизны чепчике на миниатюрной, немного дрожащей головке, была некогда превосходной драматической актрисой. Мать говорила мне, что ей редко приходилось впоследствии видеть актрис с таким сильным дарованием. Многие из старых театралов до сих пор ещё помнят Вышеславцеву в шиллеровской Луизе, которую она исполняла, как говорят, от начала до конца с неподражаемым совершенством. Главным же образом она замечательна была тем, что, служа безвыездно в Нижнем, окруженная актёрами-рутинёрами, завывающими на разные голоса «эфффектные», монологи излюбленных ролей, она неуклонно следовала дорогой великого Щепкина и, несмотря ни на какие протесты товарищей, первая на нижегородской сцене заговорила просто и естественно. Теперь это называли бы заслугой, тогда это было подвигом. Устоять против насмешек товарищей, выдержать в течение, быть может, многих лет недоумение зрителей, привыкших восторгаться в трагедии необузданным рёвом трагиков, в комедии – бессмысленным клоунством тогдашних комиков, и, в заключение, заставить тех же зрителей не только признать талант там, где они его отрицали в простодушном ослеплении, но и – больше – заставить их полюбить этот талант и восхищаться им, почуяв в нём правду и истину, – чтоб совершить такое дело, повторяю, нужно было иметь и железный характер, и огромный запас любви к искусству. А Вышеславцева действительно любила искусство, как редкие способны его любить. Будучи шестидесятипятилетней старухой, совсем разбитой нервами, она, бывало, только и думала о сцене, только о ней и говорила. Каждый, невидимому, самый ничтожный факт из окружающей обстановки переносил её мысли к театру.

Раз вечером я вошла в комнату матери; у неё сидела Вышеславцева. Подойдя к столу, я остановилась в раздумьи с опущенными вниз глазами, о чём-то соображая.

– Вот, Лизавета Ивановна, – заметила Вышеславцева матери, указывая на меня, – вот как должна стоять Катерина в «Грозе», во время нотаций свекрови в первом акте, вот точь-в-точь, как стоит теперь Поля.

Зная мою страсть к сцене, Вышеславцева часто беседовала со мной о театре, о пьесах Островского, говорила, как нужно понимать тот или другой характер выводимых Островским лиц, как следует исполнять ту или другую сцену в его драмах и комедиях.

Впоследствии, во время моей артистической деятельности мне не раз приходилось помянуть словами благодарности старушку Вышеславцеву: её советы сослужили мне не одну добрую службу.

Прошло два года. Мне исполнилось четырнадцать лет. Под влиянием моих неотступных просьб мать, после долгих размышлений, решила написать письмо антрепренеру ярославского и рыбинского театров Смирнову,² предлагая себя на роли вторых старух и меня как начинающую, на всё, куда понадобится. «Жалованье ей, – писала мать, – вы назначьте сами, если убедитесь в её полезности. Я вполне полагаюсь на вашу добросовестность, но прежде всего буду просить вас давать моей

1 *Вышеславцева*, Анна Агафоновна (1818 – 1895) – старейшая артистка нижегородского театра на сильно драматические роли; из крепостных. Крупным успехом пользовалась в 30-х гг. в ролях Терезы («Женевская сирота»), Амалии («Жизнь игрока»), Эрнестины («Невидимый свидетель») и др. В 60-х гг. сошла со сцены. См. о ней: А.С. Гациский, указ. соч., стр. 20 и сл.; в «Репертуаре и Пантеоне» за 1844 г. («саратовский театр») и за 1845 г. («нижегородский театр») дан ряд рецензий о Вышеславцевой.

2 *Смирнов*, Василий Андреевич – долголетний антрепренёр ярославского и рыбинского театров; отличался необыкновенной скупостью. См. о нём: П.М. Медведев, «Воспоминания», изд. «Academia», 1929, стр. 90 – 91; «Воспоминания актёра А.А. Алексева», М. 1894, стр. 140–144; А.А. Нильский, «Закулисная хроника», Спб. 1900, изд. 2-е, стр. 267–280.

дочери играть возможно чаще. Ей необходима практика». Письмо было послано, и я с нетерпением ждала ответа. Кроме желания сделаться поскорее актрисой, у меня явилось ещё другое, не менее сильное желание – быть полезной семье, в которой я выросла и которой была всем обязана. По мере того как я выходила из ребяческого возраста, я всё больше и сознательнее привязывалась к отцу и матери, ценя в них не столько их заботы обо мне, сколько вообще их человеческие достоинства: их безграничную доброту, честность, их правду.

Здоровье отца с каждым годом становилось всё хуже. Он «чаще и продолжительнее прежнего прихварывал, из дому не выходил никуда кроме церкви, бросил пить водку и строго соблюдал посты. Я постилась вместе с ним и вместе с ним каждый праздник ходила ко всенощной и к обедне. При первом ударе колокола уж плетется, бывало, в церковь, покашливая, бледный худой старичок, в длинном пальто, с палочкой в руках, в неопisanном восторге от того, что его любимая Поля идёт тут же, рядом с ним, молиться богу, и одной этой мыслью бедный старик бывал счастлив, как ребенок. При виде такой любви жажда помогать ему в его нуждах мучила меня ещё больше.

«Что я за несчастная, – думалось мне, – неужели я целый век осуждена быть только лишним бременем на шее больного старика и никогда не быть его помощницей? Вот Настя уж давно служит на сцене, а я всё ещё чего-то хочу и ничего не делаю. Одного хотения ведь недостаточно».

Действительно, Настя Немирова, начав с выходных ролей в Нижнем, служила потом целый год во Владимире у А.М. Читау, где начала играть водевильные роли и, возвратясь в Нижний, при встречах со мной своими рассказами ещё больше разжигала моё томительное нетерпение.

Наконец в один прекрасный день пришёл давно ожидаемый ответ Смирнова. Он приглашал нас приехать на лето в Рыбинск, обещая мне своё покровительство.

Радость моя была безгранична. Я бегала целый день как сумасшедшая, объявляя всем и каждому, что скоро буду дебютировать на сцене, скоро буду настоящей актрисой. Вечером того же дня в театре мне пришлось сидеть в ложе рядом с младшей Сорокиной, занимавшей амплуа вторых ingenues. Я не утерпела и поторопилась ей сообщить мою радость,

– Знаете ли, – сказала я, – мы с мамашей на днях едем в Рыбинск, к Смирнову. Я там поступаю в труппу.

– В труппу? Что же ты будешь делать?

– Как что? Играть на сцене.

– Ты? С твоей фигурой – играть? Какие же это роли?

– Да вот такие же, как и вы.

– Какой вздор! Я играю потому, что я актриса, а ты что? – фыркнула на меня Сорокина и отвернулась в негодовании»

Я смолчала, и хорошо сделала, потому что время ответило ей за меня гораздо лучше и внушительнее.

Приближался день отъезда. У отца не было ни гроша. Помогла крёстная, которая всегда выручала нас в нужде. Она справила мне всё необходимое.

И вот, в половине июня 1865 года, полная самых лучезарных надежд, напутствуемая всевозможными благими пожеланиями родных и знакомых, я уже сидела на палубе парохода рядом с матерью. Ровно в час пополудни раздался пронзительный резкий звук третьего свистка, вода с глухим шумом запенилась под колёсами, и пароход наш, выбрасывая клубы чёрного дыма из широкого отверстия огромной трубы, полным ходом двинулся вверх по Волге, унося нас от скучного и сурового Нижнего к веселому Рыбинску, сосредоточию всех моих дум, надежд и мечтаний,,,